

ПИКОВАЯ ДАМА

ТАТЬЯНА ИЛЬДИМИРОВА
Родилась в 1981 году
в г. Немерово. Повести
и рассказы опубликованы
в журналах «После 12», «Огни
Нузбасса», «День и ночь»,
«Сибирские огни», «Лифт»,
«Нрым», сетевых журналах
«Пролог», «Литература».

Дипломант Международного
литературного Волошинского
конкурса (2019). Финалист
Всероссийского конкурса
на лучшее литературное
произведение для детей
и юношества «Нигиру»
(2019). Член Союза писателей
России. Живет в Немерове.

— С помощью такой помады можно вызвать Пиковую Даму, — авторитетно заявила Варя, и в груди у Оли сладко заныло от предстоящего удовольствия.

Варя, ее закадычная дворовая подружка, неделю назад вернулась из лагеря, полная всевозможных важных для третьеклассницы умений и социальных навыков: предсказывать судьбу по руке, красить ногти, вызывать Пиковую Даму или гнома-матерщинника, прыгать в резиночку до четвертых. Оля завидовала ей лютой завистью девочки, которую еще ни разу в лагерь не отправляли. И даже Варинны рассказы о том, что в лагерь приезжал дантист с бормашиной и всем по очереди больно сверлил зубы, отдавали неким коллективным героизмом и пугали разве что самую капельку.

Сегодня был особенный вечер: впервые в жизни Оля вырвала у родителей согласие остаться у старшей подружки с ночевкой. Девочки решили вообще не ложиться спать, а ночью смотреть по телевизору взрослые фильмы. Это казалось несложным — Варина мама ушла в больницу на ночное дежурство, а сестра Галина, обещавшая присматривать за подругами, немедля убежала гулять со своим и вполне могла, как говорила Варя, вернуться домой только под утро.

Оставшись в квартире одни, Оля с Варей послушали все Галины кассеты, которые брат, разумеется, не разрешалось, потому что старый магнитофон мог

зажевать пленку. Одну кассету, итальянскую, ставили аж трижды. И подпевали, фальшивя и перевирая медовые песенные строки, и танцевали, воображая, что они на дискотеке, и прыгали по широкой кровати Варинной мамы, пытались коснуться кончиками пальцев потолка или хотя бы люстры. Потом кружились, держась за руки, расплескивая беспричинное ликование, пока перед глазами не поплыли зеленые пятна.

— А я тоже буду певицей, — отдышавшись, сказала Варя. — Или лучше врачом. Я еще не решила точно. Врачом, я думаю, очень интересно работать. Я тебе сейчас такую книжку покажу! Ты только дома не рассказывай, что мы с тобой читали. Это самая настоящая взрослая книга.

Девочки посмотрели картинки в медицинской энциклопедии, где все было страшно по-настоящему.

«Оля, представь, ты такая внутри!» — шептала Варя, недоверчиво глядя на человека в разрезе, красного и жилистого, как кусок сырого мяса на рыночном прилавке.

«Сама ты такая внутри!» — отвечала Оля, больно тыча пальцами подруге в бока.

Они просмотрели несколько статей и обе поняли, что давно и неизлечимо больны страшными болезнями.

Варя в тысячный раз показала подруге свой толстенный песенник, Оля читала его через плечо: Варя никому в руки драгоценную тетрадку не да-

вала. Тексты любимых песен, украшенные цветочками, сердечками и вырезанными из журналов фотографиями счастливых пар, сменялись мудрыми фразами «Будь скромна и весела, будешь нравиться тогда», «Мальчишка – не трамвай, уйдет – не догоняй» и «Любовь – это ваза, а ваза стекло. А все, что стеклянное, бьется легко». Песни в основном были английские, но записаны они были русскими буквами. Чтобы всем было понятно, как надо петь. Еще там были всякие секреты по уходу за собой: какие продукты мазать на себя для красоты кожи и волос. Оля запомнила про огурцы на глаза.

Когда наступило время обеда, девочки суп в холодильнике не заметили, но колбасный сыр и батон за милую душу умяли. Еще обнаружили в буфете заныканный к праздникам кулек с шоколадными конфетами и съели по одной и еще по одной, почти незаметно, но фантики на всякий случай выбросили в окно.

Потом Варя снова отправилась в мамину спальню, а вернулась оттуда красивая по-особенному: на каблуках. Она гордо стояла перед Олей, плечом опираясь о стену и ожидая восхищения. Мамины выходные туфли с острым носом, ярко-красные, блестящие, как леденцы, едва не соскальзывали с ее босых ног. Варя пожалничала и примерить туфли не дала. Обидевшись, Оля решила, что когда она вырастет, у нее таких будет много, как в магазине: и красные, и зеленые, и всякие, – и что носить она их будет каждый день.

Вволю налюбовавшись на туфли, девочки съели еще по конфете, вытащили из комода косметичку Галины и ее украшения. Галина, если честно, была некрасивой, длинноносой, тощей, с белесыми бровями. Она покупала побрякушки и косметику на всю свою стипендию, красилась каждый день по часу, из-за чего вечно опаздывала в институт, но все равно оставалась дурнушкой.

Девочки примерили все бусы и браслеты, прикладывали к ушам сережки (уши у Оли еще не были проколоты, и она с завистью смотрела на дырочки в Вариных мочках). Они покрасили ногти вонючим лаком, немножко просыпали на покрывало пудру, лица зашпаклевали тональным кремом «Балет», намазали веки сиреневыми тенями и раскрутили все тюбики с помадой, от которой пахло так, что хотелось ее надкусить.

И тут Варя вспомнила про Пиковую Даму.

«Это очень просто, – сказала она, – Пиковая Дама всегда появляется, когда ее зовут. И гномик-матерщинник, кстати, тоже, но его мы вызовем потом».

Очень важно все сделать верно, покровительственным тоном говорила Варя, густыми помадными линиями рисуя на зеркале в ванной комнате

лестницу с дверцей на самом верху. «Как только увидишь огонек на верхней ступеньке, надо немедленно все стереть. А иначе Пиковая Дама выйдет из зеркала – выйдет из зеркала – выйдет из зеркала – и задушит тебя!»

«Может, лучше не надо?» – хотела сказать Оля, но, застыдившись, промолчала. Она прижалась щекой к холодному бежевому кафелю, готовая в любой момент уткнуться в махровое полотенце.

– Ты что, боишься? – спросила Варя.

– Нет, нисколько!

– А вот я немножко боюсь.

Варя принесла из кухни тонкую зажженную свечу, и по стенам медленно потекли зыбкие полуживые тени. У Оли от волнения похолодели уши. Не смотреть на свечу было невозможно. Смотреть – тоже.

– Пиковая Дама, приди! – торжественно прошептала Варя, обеими руками сжимая свечу. – Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди!

Оля за спиной у Вари зажмурилась, застыв в неудобной позе на краю ванны. Под закрытые веки прокрадывался свечной оранжевый свет. В такие минуты остро чувствуешь, что у тебя есть позвоночник и солнечное сплетение, в котором что-то шевелится и щекочет.

Внизу, у соседей, прокашлялся кран, заунывно зашумела вода. Варя тихо сказала:

– Смотри, смотри, вот она...

Ее голос задрожал, она цепко схватилась обеими руками за Олино плечо. Оля открыла глаза: зеркало отражало темноту, загогулисто исчирканную помадой. Оля задержала дыхание и всмотрелась в глубину зеркала. Глупости все: в зеркале ничего не происходило. Но больше всего хотелось Оле немедленно убежать домой, в свою комнату, и забиться под плед, и чтобы мама была дома, на кухне, в теплых ароматах будущего ужина с пирогами.

И вдруг на тысячную долю мгновения померещилось Оле, что из зеркала выглянул кто-то – нечеловек – и пристально посмотрел ей прямо в глаза. Этот взгляд был таким острым, что немедленно коснулся сердца. Оля закричала, сама не понимая, что кричит, и в эту же самую секунду раздался и Варин визг. Началась ужасная суматоха: Варя задула свечу, отпихнула Олю и бросилась стирать лестницу с зеркала первой попавшейся тряпкой, нет, полотенцем, так быстро, как будто у нее было множество рук.

– Она пришла... – причитала Варя с близкими слезами в голосе. – Нам конец теперь... Она нас убьет!

Оля стремглав выскочила из ванной, не разбирая дороги, до слез больно ударилась косточкой локтя

о дверной косяк и затормозила прямиком в живот сестры Галины, так некстати вернувшейся домой с незадавшегося свидания.

– Ой-ей! – взвизгнула Галина.

– Ой! – согласилась Оля.

Варя безуспешно пыталась скрыть следы преступления: красная помада была отменной стойкости и размазалась по зеркалу живописными разводами. Галина, однако, шедевра не оценила, зато немедленно опознала помаду и от души вlepила Варе увесистый подзатыльник.

Гнома-матерщинника решили не вызывать.

Ложиться в постель не дома оказалось неудобно и громко – чужое дыхание под ухом, незнакомый запах от подушки. Сама подушка – с глупыми голубыми цветочками и торчащими из нее перьями, колющими щеки, когда переворачиваешься на другой бок. Непривычно мягкая комковатая кровать: как не ляжешь, а все не дома. Галя за тонкой стенкой смотрела фильм, в котором стреляли и орали; в рекламную паузу шла на кухню, то хлопала дверцей холодильника, то ставила чайник, и тот потом свистел, снова подзывая ее. И холодильник здесь хлопал неправильно, и чайник свистел не так, как домашний.

Сна не было ни в одном глазу. Варя, лежа рядышком с Олей и воняя Галиными духами «Цветы России», нашептывала очередную страшную историю:

– Это мне Маша рассказала! Они с подружками тоже начали вызывать Пиковую Даму и уже позвали ее, но тут им послышался шорох, они испугались и включили свет. Все вроде бы нормально, они успокоились, стали играть в другое. А потом решили в карты, но увидели, что в колоде с картами нет Пиковой Дамы, они обыскали всю комнату, карту не нашли! Подружки ушли домой, а Маша долго не могла уснуть, наконец уснула, но в три часа ночи проснулась, потому что какой-то жуткий страх на нее напал. Она посмотрела на кресло, которое стояло в комнате. – Варины глаза возбужденно блестели в темноте. – Там сидела женщина в черном платье, а лицо под вуалью, лишь злая улыбка была видна. Сидела молча и неподвижно, только улыбалась, а Маша от страха не могла ни пошевелиться, ни закричать. Ровно в шесть утра Пиковая Дамы исчезла, на кресле осталась карта, пропавшая из колоды. Это все по правде было! Маша меня просила не рассказывать никому, и я правда никому, тебе только, и ты никому ни слова, поклянись, поклянись...

Оля слушала ее и в полудреме видела, как вызванная ими ради баловства из мира мертвых Пико-

вая Дамы со свечой в руках все идет и идет с того на этот свет по подземному коридору, в темноте, полной крыс, змей, пауков и неведомых тварей. Путь неблизкий, но она рассержена, она торопится, и скоро она появится здесь. Если медленно досчитать до ста и открыть глаза, то можно будет увидеть, как она, настоящая, живая (живая ли?), аккуратно приподняв подол черного кружевного платья, перешагнет через порог, оглядится по сторонам и сядет на круглый табурет у Вариного пианино.

Из-под вуали она строго посмотрит на Олю, именно на нее, будто Вари здесь нет. Они будут долго разглядывать друг друга. Оля наберется смелости и спросит: что на самом деле происходит с человеком после смерти? Куда уходит человек, ведь не может он просто перестать быть? Так, чтобы в секунду и вдруг не стать? Целый человек – и больше нет его?

Думать о таком было страшно, но вовсе не тем сладким страхом, ради которого и вызывают Пиковую Даму и рассказывают истории о привидениях, и не той боязнью, смешанной со стыдом, что случаются рано утром в поликлинике у кабинета с жуткой табличкой «Забор крови». Нет, это напоминало внезапный и нелепый страх, когда ты, поклявшись смертью мамы, забываешь об этом, а потом вдруг вспоминаешь, что обещание не сдержала: и понимаешь, не маленькая, что все эти дурацкие клятвы – ерунда, но все же долго не отпускает ощущение прикосновения ледяной руки к позвоночнику, а мысль «вдруг?» так и вьется вокруг, злая и надоедливая, как августовская оса.

Еще говорят, если позвонить по телефону 666-666, трубку может снять черт. Оля представляла себе безграничную пустыню, залитую туманом, не позволяющим увидеть что-нибудь дальше одного шага, и посреди тумана – одинокую ярко-красную телефонную будку (как на фотографии в учебнике английского). В будке сидит коренастый косолапый чертик в отутюженной форме швейцара. Он раздражен – телефон звонит постоянно. Ему не нравится его работа, и потому он часто спит, играет в карты и разгадывает кроссворды, не отвечая на звонки. Но иногда он все же снимает трубку, и тогда его можно попросить позвать к телефону кого-нибудь из мира мертвых. Только об этом разговоре никому нельзя рассказывать. А если расскажешь, то за тобой придут и тебя заберут. Или кого-нибудь из твоих близких. Одна девочка по секрету сказала подружке, а на следующий день они обе не вернулись из школы, и ни ее, ни подружку никто больше не видел...

Оля один раз набралась смелости и позвонила, но телефонист был не в настроении, и женский механический голос отвечал ей: «Неправильно набран номер». Больше она не пыталась. Боялась, что не сможет сохранить секрет. Но если бы все же дозвонилась, то наверняка начала бы рассказывать какую-нибудь ерунду, например:

– У Дуси народились котятки, целых пятеро. Один, в половину моей ладони, был самый слабенький и отказывался есть молоко из Дуси. Мы с мамой кормили его из пипетки и гладили потом по животу, чтобы он мог сходить в туалет. Все уже бегает, а он только пытается встать, лапки еще разъезжаются, мяукать не умеет. На ладонь кладешь его, а он невесомый, как пушинка. Я хочу оставить его себе, но мама, конечно, против. Папа за, а мама против.

Или:

– Санька вообще ненормальный. Мы с ним все время деремся. Точнее, это он меня бьет. Я уже не знаю, куда от него деваться! В эту субботу он выстрелил в меня из трубочки ранеткой и попал по лицу. У меня до сих пор синяк рядом с глазом, теперь уже желтый, а был фиолетовый, я три дня сидела дома. Я знаешь как сильно плакала! Мама говорит, это потому, что я красивая, и потом будет еще хуже. Это она зачем-то мне врет. А папа сказал, что поймает его и запишет ему эту трубочку в одно место. Но пока не поймал.

Или:

– Я теперь живу в твоей комнате. Там сделали ремонт, нет ни твоей кровати, ни тумбочки, и больше не пахнет лекарствами. Переклеили обои, стало очень красиво! Новые обои с цветочками, розовые. Кровать увезли на дачу, кстати, и книги твои все тоже связали пачками и увезли туда, а мне купили новую тахту. Я просила двухэтажную кровать, такую, чтобы каждый день спать, как в поезде, я обожаю спать в поезде на верхней полке, я один раз так спала! Но мама сказала, что это глупо, потому что я в семье единственный ребенок. Слава богу, единственный ребенок, вот как она сказала. Я пожалела, что у меня нет старшего брата, но потом подумала, он бы все равно спал наверху, и сразу перестала жалеть.

Или:

– Мама говорит, ты умер, потому что курил. Почему же ты курил? Сам же смеялся, капля никотина убивает лошадь. Ты же знал, что это вредно, так зачем? Я никогда в жизни не буду курить.

Оля не видела его мертвым. Не захотела посмотреть. В комнату, где он лежал, не заходила, даже

мимо закрытой двери – и то пробежала, зажмурившись. Утром похорон сидела в углу кухни с учебниками, делала вид, что читает природоведение. Маминим подругам показывала дневник и принимала похвалы. Только вот когда деда начали выносить – не выдержала, взглянула на него, но запомнила только ноги. Самые обыкновенные ноги деда – черные отутюженные брюки, носки и новенькие лакированные ботинки. Очень черные брюки и очень черные ботинки на белоснежной простыне. В таких ботинках только танцевать, кружить барышень под ритмы рок-н-ролла, веселиться, быть живым, а не лежать в комнате с занавешенными зеркалами. Поэтому и ботинки такие, подумала Оля. Чтобы ловчее было танцевать в другом мире под неведомую музыку.

Там, в ином мире, наверняка сохранилась старая квартира из снесенного дома, на месте которого теперь стройка. На стене по-прежнему висят часы с маятником, и каждый час выпрыгивает кукушка, но сколько бы она ни куковала, время остановилось. Из дня в день кот Тимка урчит в своем углу дивана, лениво обмякнув на вышитой подушке, принявшей форму его тушки; папин брат Ванюшка, трехлетним упавший в колодец, катает по полу грузовичок и гудит; прабабушка и прапрабабушка солят на кухне огурцы и сплетничают о соседях. А молодая бабушка, собираясь на танцы, красит губы огрызком малиновой помады, крутится перед зеркалом в летящем цветастом платье и хохочет, когда дед подхватывает ее за талию, а она, зацепившись за его шею, весело дрыгает в воздухе ногами.

Оля видит их, молодых, влюбленных, нездешних, и проплывает дальше, сносимая в перистое облако сна.

